

вильны, либо мне неизвестны» [8]. На наш взгляд, особенно ярко это выражалось в древнегреческой, древнеиндийской и древнекитайской культурах, а также в Древнем Египте до его завоевания Александром Македонским. Во всех этих цивилизациях выявление сходств и различий между языками не становилось предметом специальных исследований.

Ситуация двуязычия сохранялась в Аккаде и в эллинистическом Египте; открытым к межъязыковому взаимодействию можно назвать Хеттское царство. Языковые контакты давали толчок переводческой деятельности, и, соответственно, появлению первых учебных пособий, а также работ лексикографического характера. Таким образом, сопоставление языков служило преимущественно достижению практических целей, связанных с текущей политико-этнографической ситуацией.

Лишь в Древнем Риме появляются теоретические работы сопоставительного плана. Первый такой труд, частично дошедший до наших дней, был создан Макробием на закате Древней эпохи.

Литература

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – СПб.; М., 2004.
2. Алпатов, В. М. История лингвистических учений / В. М. Алпатов. – М., 2005.
3. Амирова, Т. А. История языкознания / Т. А. Амирова. – М., 2007.
4. Дашкова, М. Ф. История лингвистических учений / М. Ф. Дашкова, Т. Д. Бунина. – Воронеж, 2005.
5. Дионисий Галикарнасский Римские древности. Т. I. Перевод с древнегреч.; отв. ред. И. Л. Маяк. – М., 2005.
6. Иванов, В. В. Зачатки исследования языка у хеттов / В. В. Иванов // История лингвистических учений. Древний мир. – М., 1980. – С. 37–58.
7. Канева, И. Т. Шумерский язык / И. Т. Канева. – СПб., 2006.
8. Кашкин, В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. – Воронеж, 2002. – URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-41> (дата обращения: 26.10.2014).
9. Квинтилиан, М. Ф. Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений / пер. с лат. Рос. акад. чл. Александром Никольским и оною Акад. изд. Ч. 2. – СПб., 1834.
10. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.
11. Мусорин, А. Ю. Лингвистические знания на Древнем Востоке / А. Ю. Мусорин // Наука. Университет. 2005: Материалы VI научной конференции. – Новосибирск, 2005. – С. 175–178.
12. Петровский, Я. С. Представления древних египтян о языковых явлениях / Я. С. Петровский // История лингвистических учений. Древний мир. – М., 1980. – С. 7–17.
13. Семенец, О. Е. История перевода / О. Е. Семенец, А. Н. Панасев. – К., 1989.
14. Шарафутдинова, Н. С. Теория и история лингвистической науки / Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск, 2012.
15. Яхонтов, С. Е. История языкознания в Китае (XI–XIX вв.) / С. Е. Яхонтов // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л., 1981. – С. 224–247.
16. Ciccolella, F. Donati Graeci learning Greek in the Renaissance / F. Ciccolella. – Leiden, Boston, 2008.
17. Cornell, T. The fragments of the Roman historians / T. Cornell. – Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2013.
18. Rochette, B. Le Latin dans le monde grec. Recherches sur la diffusion de la langue et des lettres latines dans les provinces hellénophones de l'Empire romain / B. Rochette. – Bruxelles, Latomus, 1997.

УДК 81

Е. В. Грудева

Череповецкий государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРНИТОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

*Работа выполнена в рамках государственного задания
в сфере научной деятельности № 2014/267 от 31 января 2014 г.
(проект «Компьютерные технологии в структурно-функциональном изучении текста»)*

Статья посвящена особенностям употребления орнитологической лексики применительно к человеку в русском языке. В качестве исходных теоретических предпосылок рассматривается теория прототипов. Показана зависимость «естественной» категоризации от лингвокультуры. Анализ языкового материала, полученного на основе обращения к Национальному корпусу русского языка, позволяет сделать вывод, что в русской лингвокультуре претендентами на роль прототипа «птичности» и его ближайшего окружения могут выступать *воробей, орел и ворона*.

Орнитонимы, теория прототипов, языковая метафора, корпусное исследование.

The paper is devoted to the features of ornithological lexicon applied to a man in the Russian language. Theory of prototypes is considered as initial theoretical assumptions. Dependence of the "natural" categorization on the linguistic culture is shown in the paper. Analysis of the language material received in the Russian National Corpus allows concluding that only a sparrow, an eagle and a crow can be the contenders for the role of the prototype «bird» and its entourage in Russian linguistic culture.

Введение.

Орнитологическая лексика практически в каждом языке так или иначе употребляется не только в прямом значении – в функции наименования птиц, но и в переносном, метафорическом, значении, в частности связанном с наименованием человека. В русском языке применительно к человеку употребляются такие орнитонимы, как *ворона*, *сорока*, *соловей*, *попугай*, *жаворонок*, *сова*, *орел*, *пугалица*, *глухарь* и многие другие. В ряде работ утверждается, что число орнитонимов, обладающих синтаксически обусловленным значением, намного превышает число наименований птиц, имеющих только прямое лексическое значение [7, с. 405]. Как известно, не все птицы и не все наименования птиц¹ являются источником переносных употреблений в том или ином языке. Как правило, переносное (метафорическое) употребление связано с орнитонимами, имеющими достаточно высокий ранг частоты встречаемости в языке определенного периода, а также обусловлено широкой распространенностью тех или иных птиц в стране изучаемого языка, что позволяет носителям языка выделить у них яркие внешние черты (размер, форма, окрас оперения, длина клюва и др.), а также повадки и особенности поведения в нетипичных ситуациях. Именно хорошее знакомство носителей языка с теми или иными представителями класса пернатых в ряде случаев приводит к устойчивому сравнению человека с птицей и наоборот, что находит отражение в языке (см., например: [15]).

Основная часть.

Начиная с трудов американского психолога Элеоноры Рош, в лингвистические работы последних десятилетий (прежде всего в работы, выполненные в рамках когнитивной парадигмы) прочно вошло понятие прототипа. Понятие прототипа в теории Э. Рош связано с представлением о «естественной» категоризации; по прототипу можно опознать всю категорию в целом, так как прототип является эталонным представителем категории [17]. Теория прототипов во многом перекликается с теорией поля в лингвистике, а понятие прототипа соответственно – с понятием ядра поля. Практически в каждой работе, в которой упоминается теория прототипов Э. Рош, приводится пример автора, связанный с типичным представителем (прототипом) класса птиц в американской культуре – малиновкой (см., например: [5, с. 204–205], [8, с. 141]). Малиновка, таким образом, выступает типичным представителем «птичности» в американской культуре. В русской культуре типичным представителем класса птиц в сознании носителей языка выступает воробей (по крайней мере, так утверждается в целом ряде русскоязычных учебников по когнитивной лингвистике и семантике, см., например: [8, с. 142]).

Действительно, если мы проанализируем фразеологические словари и/или словари крылатых выражений русского языка, то не обнаружим там языковых единиц, включающих в свой состав слово/компонент *малиновка*. Толковые словари русского языка в словарной статье МАЛИНОВКА также предлагают лишь прямое значение, связанное с наименованием небольшой певчей птички семейства дроздовых. Зато слово/компонент *воробей* встречается достаточно часто в устойчивых выражениях, в крылатых выражениях русского языка (ср. *стреляный воробей*; *воробьиная ночь*; *воробьиный шаг*; *слово не воробей, вылетит – не поймаешь*; *старому воробью по колени* и др.), что находит отражение и в «заромбовой» части словарной статьи ВОРОБЕЙ в толковых словарях.

В основу сравнения человека с птицей может быть положено какое-то внешнее сходство, а также особенности поведения и пения [15]. Так, например, фразеологизм *стреляный* (или *старый*) *воробей* означает опытного, бывалого человека. Сравнение человека с птицей может быть выражено в русском языке разными способами – с помощью переносных значений, фразеологических единиц, крылатых выражений, включающих в свой состав компоненты – наименования птиц, а также с помощью сравнительных оборотов с союзами *как*, *будто*, *подобно*, *словно*, *точно*, творительным сравнения (в конструкциях типа *смотреть орлом*). В данном случае под сравнением мы вслед за Ю. Ю. Ушаковой понимаем «лого-семантическую мыслительную операцию, включающую в себя установление сходства между двумя реалиями внеязыковой действительности, что выражается в трех составных частях: субъект сравнения (то, что сравнивается), объект сравнения (то, с чем сравнивается) и признак (основание, модуль сравнения (общее у сравниваемых реалий)» [16, с. 7]. О сходствах и различиях метафоры и образного сравнения написана значительная литература. В работе Н. Д. Арутюновой «В сторону семиотики и стилистики» указаны, в частности, следующие различия между этими двумя тропами: сравнение «указывает на подобие одного объекта другому, независимо от того, является оно постоянным или преходящим, действительным или кажущимся, ограниченным одним аспектом или глобальным», в то время как метафора «выражает устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета, и в конечном счете его постоянный признак» [1, с. 354]. Основным приемом создания метафоры считается исключение из сравнения компаративной связки *как* (*подобно*, *точно*, *словно*, *будто*, *как будто*) или предикативов *подобен*, *сходен*, *напоминает*, *похож*. По словам Н. Д. Арутюновой, «метафора сокращает речь, сравнение ее распространяет» [1, с. 354].

Анализ прямых сравнений, выраженных сравнительной конструкцией, позволяет выявить основания для сравнения человека с той или иной птицей в рамках определенной лингвокультуры в определенный период времени. Так, обращение к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) позво-

¹ Так, по данным Н. Ю. Нероновой, в русском языке представлено свыше 600 наименований птиц [12].

лило обнаружить 176 примеров употребления сравнительных оборотов *как воробей, как воробы* применительно к человеку в 164 текстах¹. Анализ контекстов позволил выявить семантические признаки, которые наиболее часто выступают основой для сравнения человека с воробьем в русской культуре:

— быстрая манера движения, подвижность, прыжки на одном месте

А если бы и вздумали искать тебя здесь, так прежде надо построить мост через эту трясины — другого ходу нет; а чтоб пройти и не увязнуть по уши в болоте, так надобно его знать, как свою ладонь: в ином месте тащиться нога за ногу, как по жердочке, а в другом скакать с кочки на кочку, с пенька на пенек и идти вприпрыжку, как воробей [НКРЯ; М. Н. Загоскин. «Аскольдова могила» (1833)];

Но Сидорыч уже не выдержал, вскочил, распустил руки, как крылья, и поплыл настолько грациозно, насколько позволяла ему его семипудовая фигура. Потом он топнул так, что все задрожало, и запрыгал на носках, как воробей... [НКРЯ; Скиталец (С. Г. Петров) «Композитор» (1900)];

А этот Лева, которым они гордились, прыгал на одном месте, как воробей. [НКРЯ; Анатолий Алексин. «Мой брат играет на кларнете» (1967)];

Подлетела шустряка, как воробей, девушка с блокнотиком, поиграла глазенками-рыбками перед Уаскаро, покосилась на Инку, чиркнула заказ, предложила пирожок с манго, тост с семгой, улыбнулась на отказ и упорхнула [НКРЯ; Улья Нова. «Инка» (2004)];

— особая манера сидения — «нахохлившись»

Он сидел и слушал, по обыкновению своему нахохлившись, как воробей в клетке, молчаливый и серьезный, одутловатый, с своими взъерошенными белыми волосами. [НКРЯ; Ф. М. Достоевский. «Подросток» (1875)];

— «взъерошенный» внешний вид

А он и взволнован, и взъерошен, как воробей [НКРЯ; Эмма Герштейн. «Мандельштам в Воронеже» (по письмам С. Б. Рудакова) (1985–2002)];

— маленький рост, худоба

Да, было в нем, в этом воздушном, тощем, маленьком, как воробей, существе, что-то воробыно-веселое... [НКРЯ; Г. И. Успенский. «Живые цифры» (1888)];

Она помаргивала, шмыгала носом, она была крошечная, как воробей [НКРЯ; Нина Садур. «Сад» (1994)].

Корпус зафиксировал единичные примеры сравнения человека с воробьем, в основе которого (сравнения) лежат нетипичные основания. Так, у Ф. М. Достоевского в романе «Подросток» с воробьем сравнивается влюбленный человек: «*Сам-то небось тоже, как воробей, влюблен — отец с сыном в один предмет!*» [НКРЯ; Ф. М. Достоевский. «Подросток»

(1875)]. В «Педагогической поэме» А. С. Макаренко с воробьем сравнивается свободный человек: «*Глядя на его удаляющийся затылок, я позавидовал лучезарной удаче этого человека: он сейчас свободен, как воробей, никто вдогонку ему даже камнем не бросил*» [НКРЯ; А. С. Макаренко. «Педагогическая поэма. Часть 3» (1935)].

В некотором смысле антиподом воробья в русской культуре является орел. Орлом часто называют храброго, сильного, мужественного человека. Уподобление героя орлу встречается уже в русском фольклоре и в произведениях древнерусской литературы. Любопытно, что в категории «Птицы», которую в качестве примера «естественной» категории приводит Э. Рош, на следующей ступени после малиновки как прототипа представлен орел [17], [5, с. 205]. Иначе говоря, если малиновка является типичным представителем класса «птичности» в американской культуре, то орел немногим отличается от этого прототипа.

Что касается русского языка и употребления орнитонима *орел*, то практически все толковые словари фиксируют переносное значение у слова *орел*, связанное с наименованием человека. Так, в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой дается толкование, согласно которому ОРЕЛ — не только «крупная, сильная хищная птица сем. ястребиных, с загнутым клювом, живущая преимущественно в гористых или степных местностях», но и (второе — переносное — значение) «о человеке, отличающемся мужественной красотой или удалью, отвагой, смелостью и т. п.» [13].

В академическом «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах находим следующее толкование: «ОРЕЛ — *перен.* О храбром, сильном мужественном человеке (обычно о военном). || О выдающемся, превосходящем в чем-либо других человеке».

Специфическое значение имеет лексема *орел* в русском субстандартном языке. Так, в русском уголовном жаргоне «орлом» называют человека, бежавшего из мест лишения свободы [9].

В ходе обращения к НКРЯ с запросом «как орел» после ручного постредактирования было обнаружено 43 контекста, в которых человек сравнивался с орлом. Были выявлены следующие семантические признаки, которые наиболее часто выступают основой для сравнения человека с орлом:

— высота полета и быстрая скорость передвижения

Как орлы, распустив долгие крылья, летят в высоту, так Словен, Волх, Кощей и Хорев несутся от моря в пространные степи, скачут чрез Русские власти, скачут полем, высокой травой, рассыпными песками, скачут от дола к долу, от горы к горе, от леса к лесу. [НКРЯ; А. Ф. Вельтман. «Кощей бесмертный. Былина старого времени» (1833)];

Везде: по полям, по горам — лежали тела наших братьев, говорит современный иудейский раввин, — не было им спасения, потому что гонители их были быстры, как орлы небесные. [НКРЯ; Н. И. Костомаров. «Русская история в жизнеописаниях ее глав-

¹ В сборе языкового материала принимала участие студентка 2-го курса направления «Филология» Череповецкого государственного университета Ксения Пахотина.

нейших деятелей». Выпуск пятый: XVII столетие (1862–1875)];

— свободолюбие

Счастливцев ты: волен как ветер, как орел не знаешь путь, как ему, тебе подругой орлица. [НКРЯ; А. А. Бестужев-Марлинский. «Мулла-Нур» (1836)];

Ленька рассказал о своем бегстве от хозяина и жизни на утесе. — Как орел живу! — похвалился он. [НКРЯ; Валентина Осеева. «Динка» (1959)];

— цепкость ума, уверенность в своих силах

Он схватывал важнейшие предметы, касающиеся до устройства государства или политики, как орел, уверенный в своей силе, налетом схватывает предмет, им взвиденный [И. И. Лажечников. «Последний Новик» (1833)];

Как орел добычу, так обзирал он карту и, без сомнения, умылился переход с Рязанской дороги на Калужский тракт; следовательно, в его замыслах формировалась мысль о совершенном истреблении полчищ исполина, всей Европе страшного. [И. Н. Скобелев. «Рассказы русского инвалида» (1838–1844)];

— о духовном созерцании

Они, как орлы, парили в небесах; они, земнородные, жили умом и сердцем на небесах и слышали там неизреченные глаголы, и там научились божественной премудрости. [НКРЯ; Иоанн Кронштадтский. «Мысли христианина о покаянии и Св. Причащении» (1860–1880)];

... говоря, что этими духовными орудиями скорее и вернее человек может достигнуть познания сущности мирового бытия и что путем ума человек идет черепашиным шагом, а чувством и созерцанием он возлетает, как орел [НКРЯ; А. Ф. Писемский. «Масоны» (1880)];

— смотреть сверху

Дядик Бо-о-о! — слышалось от реки. — Ну что тебе? — крикнул Борис Николаевич, подняв голову, как орел. [НКРЯ; Владимир Дудинцев. «Белые одежды» (1987)];

— острота зрения; возможность смотреть на солнце не мигая

Сдвинув горячую шапку на затылок, заложив руки назад, под полушубок, Захар твердо ступал по твердой под слоем пыли земле, не мигая, как орел, смотрел то на солнце, то на широко раскрывшийся после косябы степной простор... [НКРЯ; И. А. Бунин. «Захар Воробьев» (1912)];

Возьмем бутылку вина, у тебя глаз будет острый, как у орла. [Михаил Жванецкий. «Города» (1960–1969)];

Обнаружено достаточно редкое основание для сравнения человека с орлом – веселость: «Солдат должен иметь в себе веселость, как орел» [НКРЯ; И. А. Куприн «Поединок» (1905)].

В разных культурах и соответственно в разных языках наименования одних и тех же птиц могут являться источником разных переносных значений с разными смысловыми нагрузками. Например, в английском языке номинация *eagle* ('орел') характеризует прежде всего специалиста в каком-либо деле,

знатока [10]. В русском языке, как уже отмечалось, орлом чаще называют гордого, смелого, сильного человека, реже – выдающегося, превосходящего в чем-то других человека. В толково-фразеологическом словаре Михельсона находим, что *орел* (иноск.) – «человек выдающийся», и здесь же находим фразеологизм латинского происхождения *Aquila non captat muscas* (Орел не ловит мух), означающий 'великий пренебрегает мелочами'.

В современной лингвистике приведенный пример обычно квалифицируется как интернациональное крылатое выражение (о последовательном разграничении иноязычных и интернациональных крылатых выражений см.: [3]). В контексте латинско-русских языковых отношений мы уже приводили примеры такого рода, например лат. *Omnia mea tecum porto* – рус. *Все свое ношу с собой*, лат. *Alea jacta est* – рус. *Жребий брошен*, лат. *Mea culpa* – рус. *Моя вина* [6].

Словари латинских крылатых выражений содержат несколько единиц, в состав которых входят орнитонимы: *Mala gallina* – *malum ovum* (Дурная курица – дурное и яйцо); *Cantus cygneus* (Лебединая песня), *Aquila non captat muscas* (Орел не ловит мух); *Rara avis* (Редкая птица).

Обращение к НКРЯ показало, что из числа приведенных латинских выражений в текстах, представленных в корпусе, обнаружилось лишь выражение *Rara avis* (4 вхождения в 4 текстах). Среди употреблений данного латинского выражения – одно связано с названием произведения А. П. Чехова *Rara avis* (1886); одно употребление – в тексте «Афины и Иерусалим» (1938) Л. Шестова, где автор использует данное оценочное выражение в своих рассуждениях о последовательных лютеранах: «Нельзя тоже не согласиться с Жильсоном, что последовательный лютеранин есть *rara* (редкая) (я бы сказал *rarissima*) *avis* (чрезвычайно редкая птица)». Шестов последовательно (пословно) переводит латинское выражение, модифицируя его до *rarissima avis*, используя форму превосходной степени прилагательного *rarus*. Еще одно употребление встретилось в тексте «Пещера» (1932) Марка Алданова в варианте «*Rara avis in terris*»: «— Да, я здесь признаю диктатуру, но при условии, что председателем правления будет человек со светлым и ясным умом, твердый, неподкупленный, безупречный... — *Rara avis in terris*, — вставил Серизье. Американец взглянул на него с недоумением, видимо, не разобрав цитаты».

«Словарь иноязычных выражений и слов» А. М. Бабкина и В. В. Шендецова указывает, что выражение *Rara avis in terris* («Редкая птица на земле») принадлежит Ювеналу (ок. 65–128), который употребил это выражение в «Сатирах» (VI, 165): «Ты из такой-то толпы ни одной не находишь достойной? Пусть и красива она, и стройна, плодovitа, богата и целомудра... Словом, редчайшая птица Земли, как черная лебедь, — Вынесешь разве жену, у которой все совершенства?» (перев. Д. Д. Недовича и Ф. Петровского) [14, с. 1107; подчеркивание мое. — Е. Г.].

Любопытно, что наиболее распространенным русским эквивалентом латинского выражения *rara*

avis является выражение *белая ворона*, тогда как в тексте Ювенала используется образ *черного лебедя* (в русском переводе – *черной лебеди*).

Русское выражение *редкая птица* применительно к человеку в целом встречается намного реже, чем видовая номинация *белая ворона*. По данным НКРЯ, выражение *редкая птица* применительно к человеку встретилось всего в 21 контексте, тогда как *белая ворона* – в 186 контекстах.

В русской культуре *ворона*, безусловно, обладает высокой степенью прототипичности, о чем свидетельствует широкая представленность данного орнитонима в текстах в функции оценочной номинации применительно к человеку, а также разветвленная сеть устойчивых оборотов и выражений, в составе которых представлен компонент/слово *ворона* (*считать ворон, пугать ворон, белая ворона; ворона в павлиньих перьях; ни пава, ни ворона*). Толковые словари фиксируют переносное значение лексемы ВОРОНА: «2. Разг-сниж. О рассеянном, невнимательном человеке; ротозей» [4]. Любопытно, что в «Большом толковом словаре» после первого, прямого, значения лексемы ВОРОНА дается следующее замечание: «По народным представлениям: ворона – простоватая, нерасторопная, мстительная, лишенная какой бы то ни было привлекательности птица».

Что касается выражения *белая ворона*, то, по данным НКРЯ, оно может функционировать и в форме именительного падежа в позиции сказуемого, и в форме творительного падежа при глаголах типа *выглядеть, казаться, быть*, и в форме родительного падежа при обороте *производить впечатление*, и в составе сравнительного оборота с союзом *как*.

А я жду не дожусь выпуска. Я в этом смысле белая ворона. Как заслуженная и измученная преследованиями белая ворона, я понимающе кивнул [НКРЯ; Мариам Петросян. «Дом, в котором...» (2009)].

Выглядел он белой вороной среди своих сослуживцев — скромный, начитанный, обладающий хорошей речью человек. [НКРЯ; Евгений Рубин. «Пан или пропал. Жизнеописание» (1999–2000)].

Я хотел сказать, какой смысл мне одному стремиться к чему-то возвышенному, производя впечатление чудака и белой вороны? [НКРЯ; Андрей Ростовский. «Русский синдикат» (2000)].

На фоне своих предшественников и других политических деятелей той поры Горбачев выделялся как белая ворона. [НКРЯ; Анатолий Собчак. «Дюжина ножей в спину» (1999)].

В переносном (метафорическом) значении выражение *белая ворона* может быть употреблено в форме любого падежа. Следует отметить, что в целом идентифицирующие номинации *редкая птица* и *белая ворона*, по данным корпуса, встречаются довольно редко.

И коллеги искоса поглядывали на белую ворону, считали ее немного чудаковатой, «синим чулком», старой девой, хотя уж девой-то она никак не была. [НКРЯ; Влада Валеева. «Скорая помощь» (2002)].

После этого весь класс начинает травить “белую ворону”. [Ольга Андреева, Григорий Тарасевич.

«Отличники с Манежной» // «Русский репортер». 2011. №3(181). 27 января].

Выводы.

Проведенное исследование показало, что употребление орнитонимов применительно к человеку позволяет обнаружить черты и степень прототипичности у представителей класса птиц в рамках той или иной лингвокультуры. Если, по данным Э. Рош, в американской культуре прототипом «птичности» является *малиновка*, а к числу ближайших к прототипу представителей класса птиц относятся *орел*, а затем *куры, гуси, утки*, то в русской лингвокультуре претендентами на роль прототипа и ближайшего окружения могут выступать *воробей, орел и ворона*.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. В сторону семиотики и стилистики / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – С. 275–402.
2. Бабкин, А. М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода / А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. – СПб., 1994.
3. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – Магнитогорск, Greifswald: Ernst – Moritz – Arndt – Universitat, 2008–2009. – Т. I–II.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 1998. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 02.05.2015).
5. Вежбицкая, А. Прототипы и инварианты / А. Вежбицкая // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. М. А. Кронгауз. – М., 1997. – С. 201–230.
6. Грудева, Е. В. Особенности функционирования латинских крылатых выражений с притяжательными местоимениями в русских текстах разного типа (на материале Национального корпуса русского языка) / Е. В. Грудева // Universum: Филология и искусствоведение: Электронный научный журнал. – 2015. – №1(15). – URL: <http://7universum.com/en/philology/archive/category/1-16> (дата обращения: 02.05.2015).
7. Дмитриева, Н. В. Орнитонимы с синтаксически связанным лексическим значением / Н. В. Дмитриева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 3. – С. 405–408.
8. Кронгауз, М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – М., 2001.
9. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб., 2000.
10. Мушникова, Е. Н. Зоометафора в языковой картине мира русского и английского языков / Е. Н. Мушникова // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zoometafora-v-yazykovoy-kartine-mira-russkogo-i-angliyskogo-yazykov> (дата обращения: 27.02.2015).
11. Национальный корпус русского языка. – URL: www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 02.05.2015).
12. Неронова, Н. Ю. Наименования птиц в русском языке как семантическое поле / Н. Ю. Неронова // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2013. – №10. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/naimenovaniya-ptits-v-russkom-yazyke-kak-semanticheskoe-pole> (дата обращения: 27.02.2015).
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/> (дата обращения: 02.05.2015).

14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. – М.; Л., 1948–1965.

15. Тризна, Л. В. Человек, как птица, и птица, как человек / Л. В. Тризна // Русская речь. – 2010. – №1. – С. 58–60.

16. Ушакова, Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных

тропов в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук / Ю. Ю. Ушакова. – М., 2005.

17. Rosch Heider, Eleanor. Natural categories. Cognitive Psychology / Eleanor Rosch Heider. – 1973. – №4. – P. 328–350.

УДК 316.77

Ю. Н. Драчева, А. Б. Крылова
Вологодский государственный университет

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ БРЕНДОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПУТЕВОДИТЕЛЯХ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента
Российской Федерации для молодых кандидатов наук (соглашение МК 5977.2015.6,
тема: «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры
в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона»)*

В статье предпринимается попытка проанализировать и показать, как в современных путеводителях отображаются элементы брендов Вологодской области. В текстах современных путеводителей находят отражение составляющие региональных брендов, прослеживается влияние рекламных стратегий брендов, которые переводят внимание читателей с историко-культурного своеобразия региона на его современное восприятие сквозь призму массовой коммуникации и растраскированных стереотипов.

Туристический дискурс, путеводитель, бренд, Вологодская область.

The article deals with analyzing and revealing the elements of the key brands of the Vologda region in contemporary guide-books. The elements of brands can be revealed in the texts of contemporary guide-books, the features of an advertising strategy can be followed, which focus a reader's attention from the history and culture of the region to its modern perception through the mirror of mass media communication and stereotypes.

Tourist discourse, guide-book, brand, Vologda region.

Введение.

Коммуникация в туристической сфере отличается многообразием форм. Туристический дискурс характеризуется многими параметрами, главной из которых, с одной стороны – получение прибыли, с другой – получение туристической услуги, поэтому главной стратегией туристического дискурса является стратегия позитива [8, с. 18].

В последнее время на туристический дискурс оказывает большое влияние процесс брендирования территории. Создание территориальных брендов направлено на улучшение экономической ситуации в регионе, в том числе на повышение доходов в туристической сфере. Процессы активного брендирования регионов начинают играть все большую роль в массовой коммуникации в этой сфере. В современных исследованиях подчеркивается важность изучения различных аспектов процесса брендирования территории в регионах России [4].

Материалом исследования послужили тексты путеводителей по Вологодской области. Предмет рассмотрения – отображение в письменной форме туристического дискурса основных элементов брендов Вологодской области, а именно вербальная репрезентация брендов.

Основная часть.

Путеводители – особый жанр туристического дискурса, объединяющий, с одной стороны, справочную информацию, включающую историческую справку, энциклопедические сведения, информацию о расположении и времени работы культурных объектов, с другой – рекламную, привлекающую внимание. «Из рекламных черт жанр путеводителя унаследовал креолизированность – обязательное наличие иллюстративных материалов, как поясняющих текстовый ряд, так и дополняющих содержание текста, поскольку на фотографиях и иллюстрациях, как правило, запечатлевают исключительные виды описываемого пункта. Креолизация текста путеводителя способствует реализации главной стратегии туристического дискурса – формированию высокой положительной оценки предлагаемого туристического продукта» [8, с. 43].

В системе туристического дискурса большое значение имеет обращение к так называемым туристическим аттракторам – материально выраженным культурно-историческим феноменам, способствующих привлечению туристов в тот или иной регион. В последнее время мы наблюдаем искусственное увеличение туристических аттракторов, сведения о которых распространяются через СМИ, что способст-